

Первой ролью актера Владимира Пермякова была роль Снегурочки в студенческом капустнике. С тех пор закрепилась за ним слава комика и рубахи-парня. 10 лет назад Пермяков создал самый яркий рекламный образ на телевидении — «не хаявщика, а партнера». Как ни странно, роль Лени Голубкова оказалась единственной серьезной у этого талантливого актера.

«Очень хочется сыграть грузина. Или итальянца на худой конец»

— После рекламы МММ режиссеры долго не приглашали вас сниматься.

— Говорили: ты настолько убедительно сыграл своего Леня Голубкова, что в других ролях тебя трудно представить. Мне даже псевдоним таковой взять советовали. Но эти времена постепенно проходят. И если раньше я играл героев из народа, сейчас мне достаются роли интеллектуалов. Недавно снялся в сериалах «Дружная семья», «Участок». Роли хоть и не большие, но мне это интересно. Надеюсь когда-нибудь избавиться от типажа Голубкова насовсем. А то народ до сих пор в меня пальцем тычет: вон партнер пошел.

— Вы для этого учиться решили в таком зрелом возрасте?

— Я ведь не только актер, я писатель. Всю жизнь сочиняю пьесы, рассказы. Надоело уже графоманическое, хочется стать профессионалом. В этом году поступил на кафедру драматургии в академию при Минкульте — к Михаилу Шатрову... Но и как актер я еще не до конца раскрылся.

— А в идеале вам, наверное, хочется сыграть Гамлета?

— А вот и нет — Хлестакова! Это не просто проходимец и аферист, но и романтик. А вообще мне близки живые роли, построенные на эмоциях. Будете смеяться, но очень хочется сыграть грузина. Или итальянца на худой конец. По натуре я все же комик.

«Юля из пары молодоженов была моей внебрачной дочерью»

— В рекламе вам больше не предлагали сниматься?

— Года три назад на РТР хотели снимать продолжение сериала о жизни семьи Голубковых. Планировали пригласить тех же актеров, того же режиссера Бахыта Килибасова, сделать такую развлекательную передачу. Вот Юля — помните, молодожены были? — должна была оказаться внебрачной дочерью Лени, а Игорь — внебрачным сыном Риты. Материал позволял накрутить сюжет не хуже, чем в мексиканских мыльных операх. Но... Пришло новое руководство канала — и идея отпала.

— Жаль...

— На этой почве можно было бы сделать познавательную передачу о том, как простая русская семья выживает в современных условиях. Но пока что роль Лени Голубкова осталась у меня не доигранной до конца. Я хотел, чтобы он стал крутым таким магнатом, олигархом, чтобы сидел в роскошном кабинете, давал подчиненным ценные указания. «Иван! Продай трактор, купи самолет и прилетай ко мне на Канары!» — и все в таком духе.

— Вы на Леню даже чем-то похожи.

— Может быть, искренностью, непосредственностью, пристодушием. Раньше мы жили на

Владимир Пермяков:

Голубков должен был стать олигархом

всем готовом, а теперь приходится как-то крутиться, мозгами шевелить, зарабатывать деньги. И этой вот самостоятельности, хватки пока многим не хватает. А еще в культурной среде добавляется человеческая зависть.

— А может, надо было все бросить еще десять лет назад, пойти в бизнес?

— Никогда у меня не возникало такой идеи. Я нашел себя в жизни. Сцена — мое призвание. Просто в нашей стране нет коммерческого кино и талант не ценится. Кумовские критерии превыше всего. В денежных проектах снимаются все свои. Если бы я жил в Америке, мог бы стать русским Чаплином!

«Наташа никогда не ругала меня за то, что я рекламировал МММ»

— Так в чем же дело?

— Я, знаете, верю в судьбу. С самой юности меня по жизни будто

В день свадьбы с Натальей Ремизовой. Через 10 месяцев она скончалась от... гриппа

Сегодня Владимир чувствует себя не хуже, чем 10 лет назад

сила какая-то ведет. И на роль Лени Голубкова я попал случайно. Изначально был утвержден другой актер, с мужским типажом, но в тот момент, когда ему звонили со студии, его не оказалось дома. Предложили меня. Потом судьба подарила мне любимую женщину, журналистку Наталью Ремизову. Я в своей жизни часто влюблялся, но никогда не был счастлив. Только с ней. Но счастье наше было недолгим. Наташа умерла от гриппа. Это было самым большим потрясением для меня.

— Вы вообще нравитесь женщинам?

— Судя по всему, да. Я могу быть обольстительным, умею ухаживать за женщинами. К тому же они любят ушами, а я — мастер по части комплиментов.

Официально я был женат три раза. Первые жены у меня были, что называется, из народа. Их не устраивала моя нищенская актерская зарплата, более того,

они меня чуть ли не сумасшедшими считали, когда я ходил и что-то себе говорил под нос. «Зачем театр? Иди на стройку, зарабатывай деньги!» — говорили они. Наташа была совсем другой, добродушной и чуткой. В то время было модно ругать МММ, а так как я был лицом этой фирмы — и меня заодно. Но Наташа этого никогда не делала.

Расписались мы с ней 24 мая 1996 года, а через 10 месяцев ее не стало. Теперь мое предназначение написать в память о Наташе пьесу. Я назвал ее «Рождение младенца».

— Это о вашем нерожденном ребенке?

— Идея действительно появилась, когда у нас с Наташей возникли разногласия по поводу ребенка. Я хотел детей, а она боялась. После ее смерти сюжет немного изменился. Младенцем верующие называют человека, который только что пришел к Богу. В пьесе рассказывается о перерождении советского человека в человека веру-

щего. О том, как мой герой Владимир Перов через любовь, ошибки и трагедии приходит к Богу, а главная героиня Натали, чтобы сохранить свою семью, вопреки запретам врачей рожает ребенка.

— Да нет, достоинство у меня всегда было скромным. Какие богатства у актера без громкого имени? А квартиру удалось купить благодаря выходу моей книги «Как я стал Лени Голубковым» в 1995 году, ну и, конечно, реклама помогла.

— Вы сами-то жене сапоги покупали?

— Конечно, покупал! Помню, перед самым замужеством, на 8 марта, Наташа мне говорит: «Голубков! Ты меня любишь? Тогда купи мне сапоги!» Они, кажется, ботфорты назывались — немецкие, коричневые, за 45 долларов. И я ей купил. Она все подарки себе сама выбирала, я не доверял своему вкусу.

— Это было время вашего финансового подъема. На заработанные деньги вы приобрели хорошую квартиру...

— Да нет, достаток у меня всегда был скромным. Какие богатства у актера без громкого имени? А квартиру удалось купить благодаря выходу моей книги «Как я стал Лени Голубковым» в 1995 году, ну и, конечно, реклама помогла. Шиковать никогда особо не приходилось. У меня даже до сих пор компьютера нет...

— А в МММ вложить не было мысли?

— Ну именя, ни у кого из близких. Я ведь из простой семьи. Отец у меня кочюхом был, мама — техничкой. Они, к сожалению, уже умерли. Мамы не стало в 1995 году, она застала время моего взлета. Помню, очень гордилась тем, что меня выбрали «человеком 1994 года», я по популярности самого Ельцина обошел. Остались три родные сестры. Все они на ро-

Помню, перед самым замужеством, на 8 марта, Наташа мне говорит: «Голубков! Ты меня любишь? Тогда купи мне сапоги!»

— Помню, перед самым замужеством, на 8 марта, Наташа мне говорит: «Голубков!

Ты меня любишь?

Тогда купи мне сапоги!»

дине живут, в Красноярском крае. Средняя, Люба, работает заведующей почтой, а старшая и младшая — медсестрами в больнице. В детстве меня все рыбаком звали, уж очень я рыбью любил. Ходил на пескарь, окуня, налима, щуку. Я и сейчас природу люблю. Бегаю в парке, летом плаваю в реке.

— По Наташе скучаете?

— Не то слово. Каждый год ходим вместе с ее мамой на кладбище. А в 2002 году, представляется, она приходила к нам... в образе сороки. Я поставил свечку на плиту, а она как схватит ее клювом — и бежать. Отбежит — и смотрит на нас, будто сказать что хочет. Словами этого не объяснишь, но я точно знаю, что это Наташа моя была...

■ Ирина Андреева.